

БЕРЕСТЯНЫЕ РУКОПИСИ СВЕРДЛОВСКОГО ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННОГО МУЗЕЯ

Собрание рукописей Свердловского историко-революционного музея в настоящий момент превышает 150 единиц хранения и включает рукописные памятники различного времени — с XIV по XX в. Собрание неоднократно служило объектом исследования, многие рукописи его упоминались в обзорах и каталогах выставок¹. В 1980—1981 гг. нами было проведено полное описание рукописного собрания музея.

Среди рукописей, хранящихся в Свердловском музее, значительный интерес представляют две, написанные на бересте. Первая из них — Молитвенник — упоминается практически во всех обзорах музейного собрания. Рукопись представляет собой небольшую книжечку (размер 10×10,5 см) объемом 16 л. в картонном переплете XX в. Текст ее написан черными чернилами поздним полууставом. Состав молитвенника: л. 1 — «Боже милостив буди мне грешному...»; л. 1 об. — «Слава отцу и сыну и св. духу...»; л. 2—2 об. — молитва очистительная «За молитвы св. отец наших...»; л. 3 — молитва утренняя; л. 3—3 об. — молитва троице; л. 3 об. — «Отче наш...»; л. 4—6 — псалом 8; л. 6—7 — исповедание православной веры; л. 7—9 — отпуст грехов; л. 9—10 — молитва вечерняя; л. 10 об. — молитва крестильная; л. 11—11 об. — псалом 31; л. 12 — устав скитский о искушении. На л. 13 — запись: «Писал Харитон Сапожни[ков]». Нижняя часть листа с датой написания рукописи утрачена, сохранилась лишь первая цифра года. Время появления берестяного молитвенника в музее неизвестно, достоверно только, что в 1936 г. он уже хранился в фондах музея². Мы датируем эту рукопись первой половиной XIX в.³ Текст молитв не «никонианский», а старообрядческий, принятый и у бегунов.

¹ Дергачева-Скоп Е. И. Старинные рукописные книги в хранилищах Свердловска. — ТОДРЛ, Л., 1971, т. 26, с. 338—343; Бегунов Ю. К. Обзор собраний древнерусских рукописных книг Свердловска. — В кн.: Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. Свердловск, 1979, с. 40—46; и др.

² Учетно-хранительский шифр рукописи: СМ. 17816/1 ПИ 4176.

³ По предыдущим описаниям: вторая половина XVIII — вторая половина XIX в.

В феврале 1981 г. в музей поступила вторая рукопись на бересте — страннический «духовный паспорт».

Странничество, или бегунство, было одним из крайних направлений старообрядчества. До нас дошло сравнительно мало рукописных памятников, связанных с этой сектой. Именно поэтому находка нового страннического паспорта представляет особый интерес.

Одним из основных догматов странничества, возникшего в конце XVIII в., было полное отречение от мира, под которым понималась существующая система общественных отношений. Отречение от мира имело и формальную сторону. Одним из этапов перехода в странничество было уничтожение официальных документов: паспорта или другого вида на жительство (те, у кого такого документа не было, предварительно оформляли его). Только после этого над новообращенным совершался обряд нового крещения⁴.

Уничтоженный документ заменялся странническим «духовным паспортом», пародирующим временный паспорт, который помещик выдавал оброчным крепостным⁵. Тексты страннических паспортов представляют собой образцы народных сатирических произведений, написанных, как правило, силлабическим стихом.

Музейный экземпляр страннического паспорта представляет собой прямоугольный кусок бересты со следами сгиба посередине (размер 16×11 см). Текст написан черными чернилами полууставом, стилизованным под XVII в.

Текст паспорта:

Объявител сего раб божий имярек уволен из Иерусалима града
божия в розныя грады и селения
ради души спасения,
телу же грешному ради всякаго озлобления,
промышляти ему праведными трудами и работами
еже работати с прилежанием, а пить и есть с воздержанием.
Против всех отнюдь не прекословить, но токмо бога славить,
убивающих тело не бояться,
но токмо бога, и терпением укрепляться.
Ходити правым путем во Христе
дабы не задержал враг раба божия нигде,
утверди мя Христе во святых заповедех стояти
и от востока тебе к западу сиречь ко антихристу не отступати.
Господь прощение мое и спаситель мой кого ся убою,
Господь защититель живота моего кого ся утешу,
аще ополчится на мя полк, не убоятся сердце мое.
Покой ми бог прибежище Христос покровитель царь свят.
А как яз сего не буду соблюдать, то после много буду плакати и рыдати.
А кто мя странного прияти в дом свои будет бояться,
тот не хочет со Христом знатися,
а кто мя ради веры погонит,
тот в яве себя со антихристом во ад готовит.

---

⁴ Розов А. И. Странники или бегуны в русском расколе. — Вестн. Европы, 1872, № 11, 12; 1873, № 1, с. 267—268.

⁵ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967, с. 244.

Оборотная сторона:

Дан сей пачпорт из града бога вышняго из сионской полиции и голгофского квартала. Приложено к сему пачпорту множество невидимых рук святых отец. Дан оной пачпорт от нижеписаново числа на один век, а по истечении срока явиться мне в место нарочито на страшный суд Христов. Прописаны моя приметы и лета в радость будущего века. Явлен пачпорт в части святых и в теи ужи во книгу под номером будущего века записан.

На оборотной стороне паспорта оттиснуты лицевая и оборотная стороны страннического креста⁶. Здесь же находятся подписи лиц, заверивших паспорт: «Иоан», «Полуихт», сделанные поздним полууставом, а также (в перевернутом положении по отношению к тексту паспорта) запись почерком, близким к скорописи конца XVIII в.: «Старца Артемья», «Висимского мещени[на]», «7310 май. 9». Начало XIX в.— время распространения странничества из Европейской России на Урал и в Сибирь. Поэтому нам кажется, что указанная на «паспорте» дата (1802 г.) приблизительно соответствует времени возникновения документа⁷.

Видимо, в страннической среде существовал сравнительно устойчивый текст подобного «духовного паспорта». В известных опубликованных паспортах в разном порядке повторяются с небольшими вариациями одни и те же вирши⁸. Подобные стихи свойственны для всего круга страннической литературы; большое значение в них, как и в странническом паспорте, придается доказательству того, что необходимо принимать странников и поддерживать странничество. Отдельные строки совпадают дословно⁹.

Иногда текст «духовного паспорта» имеет еще более ярко выраженное антигосударственное, антифеодалное направление. Так, в странническом паспорте, опубликованном А. Вескинским, строкам из публикуемого нами паспорта «ходити правым путем во Христе, чтобы не задержал враг раба божия нигде» соответствуют строки «идти правым путем во Христе, чтобы не удержали беси чиновники раба божия нигде»¹⁰.

К. В. Чистов охарактеризовал «бегунство» как анархический утопизм с религиозной окраской. А. И. Клибанов, подробно анализируя учение бегунов, возражает против «завышенной оценки» в

⁶ Розов А. И. Странники или бегуны..., с. 268—269.

⁷ Там же, с. 520—521.

⁸ Публикации страннических паспортов см.: Вескинский А. Странники или бегуны (очерк из новейшей истории раскола).— Православное обозрение, 1864, авг., с. 333; Кельсиев В. Сборник правительственных сведений о раскольниках, вып. 3, прибавление. Лондон, 1862, с. 14; вып. 4, с. 294; Сырцов И. Паспорт старообрядцев-бегунов.— Тобольские епарх. ведомости, 1885, 1 и 16 нояб.; Забелин И. Е. Заметка о памятниках простонародной литературы.— Библиогр. записки, 1892, № 2, с. 82—83; Трефолов Л. И. Странники. Эпизод из истории раскола.— В кн.: Труды Ярославской губ. статистической комиссии, вып. 1. Ярославль, 1866, с. 210; Паспорт старообрядцев-бегунов.— Вост. обозрение, 1885, № 49—50.

⁹ Например, в «Стихе наставника Ивана». См.: Вескинский А. Странники или бегуны..., с. 338—339.

¹⁰ Там же, с. 333.

этом определении анархизма бегунов, но соглашается с характеристикой их социального утопизма¹¹. Неприятие существующих социальных отношений, стремление полностью выйти из сферы их влияния пронизывают всю деятельность странников и всю их литературу¹². Именно как памятник такого рода литературы и интересен свердловский экземпляр берестяного страннического паспорта.

Возможно, с неприятием существующего мира во всех его проявлениях было связано и написание страннических документов на бересте, а не на бумаге. Если это утверждение верно, то берестяной молитвенник также может быть отнесен к этому же кругу литературы. Конечно, с достоверностью утверждать это невозможно, но, скорее всего, обе берестяные рукописи Свердловского музейного собрания связаны со странничеством — одним из наиболее радикальных направлений русского старообрядчества, отвергавшим любой компромисс с феодальным государством.

---

¹¹ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды, с. 242; Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977, с. 216.

¹² Это ярко выражено не только в страннических стихах и паспортах, но и в молитвах и заговорах. Приведем образец страннического заговора: «Бесе рьяный, бесе смрадный, бесе огненный, бесе иглистый, по силе, по праву заговора-приговора, заворота-приворота явитесь предо мною, как лист пред травою, и защитите, и оберегите меня имярек от судей судейских и мирских властителей и всяческих чиновников мужеска и женска пола. Бесе смрадный, ослепи и омрачи разум судей судейских и мирских властителей и всяческих чиновников, бесе огненный, сожги их сердце и совесть, аще же что злое умыслят на меня раба божьего имярек, то бесе иглистый, исколи утробу судей судейских и мирских властителей и всяческих чиновников мужеска и женска пола, бесе рьяный, стяни жилы их корчами и узами нераспутными, во веки веков, аминь» (Вескинский А. Странники или бегуны..., с. 334).